Без единой капли дождя

Культура – 1999 – 1-7 апр. – с. 11

В Лондоне прошел фестиваль “200 лет русской музыки”

...С трудом находите в перезапутанном лондонском метро выход на станции Бейкер-стрит, проходите мимо стоящего на углу и раздающего свои визитки самого настоящего Шерлока Холмса, оставляете по левую руку Музей мадам Тюссо с восковыми знаменитостями, глядящими во все глаза из зеркальных витрин, и если при переходе улицы благополучно удастся увернуться от двухэтажных красных автобусов, уверенно мчащихся по “неправильной” левой стороне, то окажетесь перед парадным подъездом одного из самых старинных английских учебных заведений – Королевской академии музыки.

При входе – красочная афиша многообещающего фестиваля: “200 лет русской музыки”. Первое впечатление-возражение – почему это только 200 лет? Но после мысленной “прокрутки” истории отечественного музыкального искусства возникший было пафос угасает: в то время, когда в Италии творил Скарлатти, во Франции – Куперен, в Германии – Шютц, в той же Англии – Перселл, в России практически еще не существовали профессиональные композиторы!

Конечно, англичанам со стороны виднее, они заметили даже то, что русская музыка начинается не с Глинки – а мы воспитаны на крылатых словах Чайковского, сравнившего Глинку с желудем, из которого вырос весь “дуб русской музыки”, – но с гораздо более ранних имен. Потому и открыли фестиваль концертом “Отцы русской музыки”, не хрестоматийными образцами наших классиков, а хоровыми сочинениями Максима Березовского и Дмитрия Бортнянского. Причем и в компоновке программы не ошиблись, поставив в начало не популярного Бортнянского, а мало кому известного Березовского.

Он обладает короткой, но уникальной биографией: в молодости был отправлен на учение в Италию, где быстро преуспел, став известным оперным композитором, – его оперы ставились во Флоренции, Ливорно, а в Болонье ему присвоили звание академика-композитора. Можно предположить, что в Италии он встречался с юным Моцартом, которого первый в истории отец-менеджер возил в те годы по апеннинским городам. По возвращении в Россию Березовский предпочел карьеру свободного художника и отказался от какой-либо службы. Хватило его, к сожалению, ненадолго: индивидуальная “фирма” прогорела, сгорел, в самом прямом смысле, и его дом с нотным архивом, после чего композитор в 32 года трагически ушел из жизни. Практически из его творчества остался один духовный концерт “Не отвержи мене во время старости”, который и был исполнен на открытии фестиваля.

Этот первый концерт фестиваля стоит в ряду десяти, в каждом из которых запрятаны любопытные музыкально-исторические феномены и раритеты, открываются малоизвестные имена и редко играемые сочинения. Кто знает, например, хорал Римского-Корсакова, написанный на коронацию Александра III, или “Фанфары” Стравинского на открытие Нью-Йоркского театра в Линкольн-центре? Кто может похвастаться, что слышал когда-либо музыку Александра Крейна, между прочим, современника и друга Скрябина, или симфонии Галины Уствольской – а здесь были сыграны четыре?!

Буклет фестиваля пестрит подобными находками и неожиданностями, поначалу даже кажется: ну разве можно вместе играть Секстет Глинки, Jazz-сюиту Шостаковича, Квинтет Метнера, Сюиту “Из Шолом-Алейхема” Каретникова и Cantus Пярта? Оказывается, можно, и звучит такая “чересполосица” в линии ретроспекции русской, советской и постсоветской музыки по контрасту очень впечатляюще.

Кстати, только что упомянутая Уствольская выделена в отдельный проект: целый день из трех концертов был посвящен 80-летию композитора. Последние годы вокруг имени Уствольской на Западе возник настоящий бум. Вдруг открылся крайне специфический музыкальный язык композитора – ее музыку, раз услышав, ни с какой другой более не спутаешь: мощное, мерное движение доходящих до садистского исступления четвертей-аккордов. Открылись и смысловые ориентации автора – ранее ее сочинения назывались безликими композициями №..., теперь, как оказалось, все они имели упрятанные от мракобесов-атеистов религиозные заголовки: Dona nobis paset, Dies Irae. Не менее одиозна и собственно персона Уствольской – практически никому и никогда не удавалось взять у нее интервью; она никогда и никуда не выезжала из родного города, хотя сменила их три – родилась в Петрограде, училась в Ленинграде, а живет сейчас в Санкт-Петербурге; к тому же была любимой ученицей Шостаковича, про которую великий мэтр как-то сказал, что не он влиял на нее, а скорее она на него. Ставят в тупик и редкие парадоксальные сентенции композитора: “Моя музыка никогда не бывает камерной” – и это, например, про Четвертую симфонию, которая написана для голоса, трубы, фортепиано, тамтама и длится всего восемь минут!

Авторский бенефис Уствольской включил 11 сочинений, публика была в большом возбуждении от столь необычной музыки и столь широкой презентации – и тут, наверное, есть о чем задуматься: общее количество московских исполнений за все годы жизни 80-летнего композитора едва ли не превысит эту цифру...

Однако фестиваль продолжался и продолжал впечатлять деликатно скроенным концертом “Мемориалы” с парными посвящениями: А.Шнитке (“DSCH” – памяти Шостаковича) – Д.Смирнов (“Постлюдия памяти Шнитке”), И.Стравинский (“Памяти Дилана Томаса”) – Э.Денисов (“Канон памяти Игоря Стравинского”). Привлек внимание и концерт, проведенный в церкви Марилебон, по соседству с академией, где состоялись две мировые премьеры – хоровой кантаты на тексты “Песни песней” Дмитрия Смирнова, живущего сейчас в Англии, и сочинения для медного духового оркестра “Иерихонские трубы” специально приглашенного из Москвы автора этих строк.

Последняя премьера – дело рук исключительно главного организатора фестиваля Джерарда МакБерни, хорошо известного в Лондоне композитора, музыковеда, профессора, кстати, известного и у нас – он учился в Московской консерватории, а его музыка игралась на фестивалях “Альтернатива” и “Московская осень”. Как ему удалось найти и собрать тридцать медных музыкантов, разъяснить им, что и как надо играть в этой сложнейшей экспериментальной партитуре, и уговорить их работать три месяца, чтобы выучить, – трудно представить (за двадцать два года со времени написания этого сочинения такое впервые оказалось под силу).

Надо сказать, что вся организационная сторона фестиваля не просто удивляет, она восхищает: ни одного срыва или прокола, все вовремя, все на месте, все срежиссировано и тщательно продумано. Между концертами демонстрировались документальные фильмы о советской музыке, снятые телевидением Би-би-си в Москве в период “перестройки” (жаль, что они недоступны нашему зрителю – там запечатлен любопытнейший момент нашей музыкальной истории). Хорошо смотрелись и два “круглых стола” – “Русская музыка в восприятии западной аудитории” и “Русская музыка в восприятии русской аудитории”, где на первом спорили английские композиторы, а на втором – оказавшиеся под рукой русские, бывшие наши соотечественники: Елена Фирсова, Дмитрий Смирнов, Владислав Шуть, Феликс Янов-Яновский. Запомнилось также выступление известной в лондонских музыкальных кругах монахини-профессора сестры Андрэ, посвященное Уствольской, – информативное монографическое введение к концертам юбиляра.

Поразил и фантастический уровень исполнения – порой забывалось, что играют всего лишь студенты, а музыка захватывала так, что забывалось вообще об исполнителях (в буклете все они перечислены поименно – участвовало более 160 человек!). Особенно покорили две молодые скрипачки – Никола Аймер и Клио Гулд, солировавшие в оркестровом концерте Шнитке.

Сейчас пытаются разобраться, кто такой Шнитке: композитор, великий при жизни или великий после смерти? Мнения разные, вспомнить хотя бы случай с Девятой симфонией: всемирная реклама на премьеру в Москве, премия Gloria в 1998 году и – разгромная рецензия на исполнение в Гамбурге в 1999-м, озаглавленная “Законченная, но несуществующая симфония”. Разборки предстоят, конечно, трудные, история скажет свое веское слово, однако музыка Шнитке пока повсеместно играется, невзирая на полемику. В том числе и в Англии, где описываемый “Русский фестиваль” включил в свои программы четыре его произведения. Конечно же, наиболее эффектным был заключительный аккорд всей акции – Concerto grosso № 1, после которого восторженный полный зал долго не отпускал исполнителей, благодаря их за самоотверженный труд – оркестр играл без дирижера – и отдавая дань, бесспорно, одному из выдающихся творений современного русского искусства.

...Готовясь к поездке в Англию, всякий путешественник только и думает, как бы не забыть зонт – дождливая островная погода вошла в легенды. А тут, как назло, все время светило солнце, так и не дав разглядеть и прочувствовать серую прелесть туманного Альбиона. Может, это в честь праздника нашей бесконечно загадочной и бесконечно всеми любимой русской музыки?..

Виктор ЕКИМОВСКИЙ,
композитор
Лондон – Москва

По сообщениям корреспондентов “Культуры” и ИТАР – ТАСС